

В. П. Воронцов

Наши направления

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В75

Воронцов В.П.
В75 Наши направления / В. П. Воронцов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 222 с.

ISBN 978-5-458-08880-0

Настоящий труд, составляющий переработку статей, печатавшихся в 1892 году в журнале "Русское Богатство", является продолжением книги "Судьбы капитализма в России".

ISBN 978-5-458-08880-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Настоящій трудъ, составляющій переработку статей, печатавшихся въ прошломъ году въ журналѣ „Русское Богатство“, есть какъ бы продолженіе книги „Судьбы капитализма въ Россіи“, изданной 12 лѣтъ назадъ. Связывающимъ оба сочиненія звеномъ является мысль о томъ, что, въ противоположность передовымъ странамъ западной Европы,—гдѣ, послѣ ослабленія вліянія крупнаго землевладѣнія, руководство общественнымъ развитіемъ, въ соотвѣтствіи съ измѣненіями, имѣвшими мѣсто въ экономической сферѣ, перешло въ руки буржуазіи, за которою, въ качествѣ ея вѣроятнаго наследника, видѣется фабрично-заводскій пролетаріатъ, — въ Россіи буржуазія обречена на второстепенную роль; фабрично-заводскій пролетаріатъ не имѣетъ шансовъ на одне или менѣе значительное развитіе, и потому главнѣйшей возможной соціальной основой нашего будущаго, какъ это было и въ прошедшемъ, является крестьянство. Въ вышеназванномъ трудѣ мы развивали эту мысль въ ея приложеніи къ экономической эволюціи Россіи, и кто признаетъ важное значеніе въ дѣлѣ общественнаго развитія формъ экономическихъ отношеній, тотъ будетъ считать совершенно естественнымъ, если та же идея соотвѣтствующимъ образомъ отразится и на отношеніяхъ общественно-интеллектуальныхъ. Предлагаемая работа, предпринятая съ цѣлью уясненія нѣкоторыхъ явленій этой послѣд-

ней области, именно и обнаруживаетъ зависимость ихъ отъ метаморфозъ, совершающихся въ глубинахъ экономической жизни страны. — Изданіе настоящей книжки мы считаемъ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что экономическая сторона развиваемой нами — назовемъ ее, по примѣру нашихъ критиковъ, — „теоріи“, по крайней мѣрѣ въ ея отрицательной части, получила въ послѣднее время новое освѣщеніе въ прекрасномъ трудѣ г. Николая — она „Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи“.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Современная читающая публика состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: одинъ изъ нихъ — лица, пережившія умственное движеніе семидесятыхъ годовъ, разочаровавшіеся въ тѣхъ рѣшеніяхъ социальныхъ вопросовъ, какія были выработаны тогдашнимъ теченіемъ жизни, и теперь относящіеся къ этимъ вопросамъ болѣе или менѣе индифферентно; другой — молодежь, развѣивавшаяся при другихъ условіяхъ, не испытывая тѣхъ вліяній, какія неотразимо дѣйствовали на предшествующее поколѣніе, воспитывали его чувства, доставляли данныя для образованія цѣльнаго міровоззрѣнія въ дополненіе къ основаніямъ, почерпнутымъ изъ науки и литературы. Въ силу сказаннаго, эта часть нашего общества въ особенности нуждается въ знакомствѣ съ запасомъ идей и фактовъ, содержащимся въ богатой европейской литературѣ, а между тѣмъ она-то, съ грустью нужно это признать, — читаетъ или до недавняго времени читала мало. Мало читаетъ она западныхъ писателей, недостаточно знакома и съ той переработкой европейскихъ идей, каковая сдѣлана русской литературой въ періодъ оживленія нашей общественной мысли.

При такомъ настроеніи читателей — при отсутствіи живого ихъ общенія съ источниками просвѣтительныхъ общечеловѣческихъ идей на западѣ и въ виду безжизненнаго состоянія современной дѣйствительности, не представляющей достаточныхъ

импульсовъ для возбужденія нравственной и интеллектуальной энергій индивида—живое отношеніе нашей литературы къ основнымъ вопросамъ общезитія и этики, усвоеніе того, что сдѣлано по этимъ отдѣламъ наукой, попытки примѣнить ея завоеванія къ условіямъ русской жизни, — хотя бы во всемъ этомъ было много повторенія высказаннаго 10—15 лѣтъ назадъ, — имѣло бы особенное значеніе. Но именно теперь-то широкіе вопросы находятъ въ особенномъ законѣ въ нашей литературѣ, которая тѣмъ болѣе развѣивается на мелочи, чѣмъ настоятельнѣе потребность въ крупныхъ обобщеніяхъ. Въ нижеслѣдующемъ мы имѣемъ намѣреніе поговорить съ читателемъ объ одномъ изъ такихъ обобщеній, не пользующемся особеннымъ авторитетомъ въ настоящее время, но имѣющимъ важное значеніе, какъ выраженіе новаго момента въ логическомъ развитіи нашей общественной мысли.

Будущій историкъ общественнаго развитія Россіи не пройдетъ семидесятихъ годовъ текущаго столѣтія, не остановивъ на нихъ своего вниманія. Онъ ихъ отмѣтитъ, какъ періодъ, когда въ нашей интеллигенціи очень ярко выразилось стремленіе сдѣлать центральнымъ пунктомъ своего общественнаго міросозерцанія и дѣятельности трудящуюся массу, что ведетъ въ необходимости раньше или позже пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія ходячія соціологическія „истины“. Мало того, что въ эти годы возникло (или возродилось) направленіе, охватившее часть такъ-называемой интеллигенціи: тогда все общество прониклось особеннымъ интересомъ къ крестьянству. „Народъ“, „народный интересъ“ получили въ общественномъ мнѣніи такой авторитетъ, что къ нему постарались примазаться даже оттѣнки мнѣній, не только не имѣющіе съ народомъ ничего общаго, но и относящіеся къ нему единственно какъ къ объекту эксплуатаціи. Вотъ почему и о „народничествѣ“ „говорится такъ часто“, почему оно „есть нѣчто весьма неясное, не легко опредѣленное, произвольное; народниками называютъ себя ¹⁾ люди—очень мало похожіе, даже вовсе не похожіе другъ на друга: люди съ очень опредѣленными прогрессивными мнѣніями и люди, заявляющіе

---

¹⁾ А еще болѣе называются другими.

на каждомъ шагѣ, что они—спеціальныя друзья народа и однако проповѣдующіе нѣчто, чрезвычайно близкое къ обскурантизму¹⁾). Это же дѣлаетъ изученіе народничества, какъ особой струйки въ общемъ руслѣ общественной мысли, крайне затруднительнымъ. Трудность вопроса заключается не въ одной лишь спутанности понятій, вслѣдствіе которой терминъ „народничество“ прилагается къ отдѣлкамъ общественной мысли, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ. Нужно еще въ самомъ народничествѣ отдѣлить главное теченіе отъ второстепенныхъ его рукавовъ; уловить самую сущность вопроса въ томъ разнообразіи формъ, въ какія онъ облекается отдѣльными лицами или фракціями, относящимися къ дѣлу нерѣдко подъ вліяніемъ субъективныхъ предубѣжденій. Трудность вопроса усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что періодъ формировація разсматриваемаго міросозерцанія былъ въ то-же время моментомъ оживленія практической дѣятельности общества, которая и поглощала большую часть его силъ, и на научное обоснованіе различныхъ программъ не оставалось ни времени, ни желанія. Отсюда—явленіе, такъ удивляющее нѣкоторыхъ писателей, что вопросы, „повидимому очень капитальные, не вызвали тогда со стороны народниковъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго труда, а трактовались небольшими статейками, съ фельетоннымъ изложеніемъ и неясною мыслью“ (Пыпинъ, *id.*). Признавая даже, что „неясность мысли“ характеризуетъ не всю народническую литературу, нужно все-таки согласиться, что публицисты этого направленія не формулировали цѣльной системы міросозерцанія.

Народничество, какъ направленіе мысли культурнаго общества, присуще лишь такимъ странамъ, въ которыхъ народная масса удалена отъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, и активными дѣятелями въ общественной жизни являются лица культурнаго слоя. Въ такихъ обществахъ, въ известномъ періодѣ ихъ развитія, главною цѣлью дѣятельности выставляется не удовлетвореніе потребностей массы, какъ совокупности живыхъ чувствующихъ и мыслящихъ индивидовъ, а—благо страны, интересы государства и т. п.; средства удовлетворенія постав-

---

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1884 г., II, ст. г. Пыпина: „Народничество“.

ленной цѣли ищутся не въ опытѣ народа и выработанныхъ имъ формахъ жизни, а въ сознаніи и опытѣ верхнихъ слоевъ общества; избранныя мѣропріятія проводятся въ жизнь не путемъ народной самодѣятельности, а при помощи особаго персонала, набраннаго изъ среды того же, культурнаго общества. Такимъ образомъ, и задачи государственной дѣятельности, и содержаніе мѣропріятій, и средства приведенія ихъ въ исполненіе — все въ такихъ обществахъ естественно опредѣляется высшими, образованными слоями, причемъ обыкновенно обращается лишь небольшое вниманіе на то, что въ этомъ отношеніи можетъ дать народная жизнь, опытъ и сознаніе массы. Зато такія общества сравнительно легко производятъ заимствованія у сосѣднихъ народовъ, дальше подвинувшихся на пути прогресса и выработавшихъ готовый арсеналъ знаній и формъ, способныхъ служить для удовлетворенія сознанныхъ потребностей прогрессирующихъ обществъ. Къ числу такихъ странъ принадлежитъ Россія, и все вышесказанное примѣнимо къ извѣстному моменту ея историческаго существованія.

Съ распространеніемъ образованія и выдѣленіемъ изъ среды культурнаго общества слоя лицъ, живущихъ по преимуществу интеллектуальными интересами и воспитывающихся подъ преобладающимъ вліяніемъ болѣе развитой мысли тѣхъ же сосѣднихъ народовъ, — въ обществѣ появляется критика направленія господствующаго какъ въ государственной практикѣ, такъ и въ области науки и литературы. Раздаются голоса, что народная масса не есть сырой матеріалъ, годный лишь для того, чтобы придать болшую или меньшую устойчивость зданію государства что у нея есть свои потребности и желанія, которыя должны преслѣдоваться на ряду, а можетъ быть и впередѣ другихъ. Общественная наука обвиняется въ односторонности содержанія, въ которомъ все занято внѣшними формами и явленіями и гдѣ не видно народа, хотя онъ-то и составляетъ основную причину изучаемыхъ феноменовъ. Изящная литература подвергается такому же осужденію за узость поля художественнаго воспроизведенія, не выходящаго за предѣлы культурнаго общества и т. д. Такъ какъ это критическое направленіе появляется въ интеллигентной части культурнаго общества, т.-е. въ словѣ, который

лично не испытываетъ большихъ неудобствъ отъ существующихъ въ дѣйствительности неустройствъ, а имѣетъ скорѣе многія отъ того выгоды, но который зато, по своей интеллигентности, особенно заботится о логической правильности построения, то и неудивительно, если критика и послѣдующее творчество по данному вопросу выразились и развились по преимуществу въ сферѣ теоретическихъ, а не практическихъ идей, если въ итогѣ получались гораздо больше философскія системы, нежели важныя и разностороннія практическія программы. Къ тому же, до освобожденія народа отъ крѣпостной зависимости и невозможно было построение практическихъ программъ, въ которыхъ много мѣста было бы отведено народному началу. Поэтому развитие новаго міросозерцанія выражалось, главнымъ образомъ, построениемъ философско-историческихъ системъ, развивавшихъ одну и ту-же основную идею съ различныхъ сторонъ. Одни изъ этихъ построений противопоставляли господствовавшей системѣ бюрократизма, пользующагося въ значительной степени для своихъ цѣлей готовыми формами другихъ странъ, идею народности, какъ принципа, дѣлающаго излишними заимствования извнѣ и различные кабинетно-бюрократическія измышления и способнаго дать самостоятельное содержаніе идеѣ общественности. Другіе брали „народъ“ не какъ принципъ, не какъ идею, а какъ собраніе живыхъ, чувствующихъ личностей, считали удовлетвореніе потребностей массы главною цѣлью государственной дѣятельности, и мѣру пригодности какого-либо средства, отвѣчающаго поставленной цѣли, искали не въ его національности или самобытности, а въ соответствіи потребностямъ массы, будь это соответствіе достигнуто подражаніемъ чужому образцу или развитіемъ мѣстной національной формы.

Оба теченія общественной мысли привели интеллигенцію къ признанію необходимости внимательнѣе присмотрѣться къ явленіямъ народной жизни съ цѣлью лучшаго изученія народнаго духа—говорили одни, его нуждъ и потребностей—формулировали другіе. Изученіе обнаружило въ народной средѣ наличность такихъ формъ быта и такихъ воззрѣній, которыя лучше другихъ, доселѣ осуществлявшихся въ жизни, соответствуютъ требованіямъ, какія можно предъявить обществу съ точки зрѣ-

ніа идеальнихъ представлѣній о правдѣ и справедливости. Это повело къ сближенію двухъ главныхъ направленій общественной мысли, о которыхъ сказано выше, и къ дальнѣйшему выясненію идеи народничества. Прежде въ глазахъ одного направленія народъ являлся только въ качествѣ фактора, опредѣляющаго задачи общественныхъ преобразованій; средства же, отвѣчающія потребностямъ массы, оно готово было искать всюду и надѣялось всего болѣе на сосѣднія страны, какъ достигшія высшей ступени развитія и тѣмъ приготовившія пути, по которымъ можетъ слѣдовать и Россія. Послѣ же того, какъ ближайшее изученіе европейской цивилизаціи обнаружило слабыя стороны ея новѣйшей конструкціи, а наблюденіе русской народной жизни показало существованіе въ ней зачатковъ болѣе высокаго строя—подражательное направленіе общественной мысли и въ другой части своихъ построеній, относящейся къ формамъ удовлетворенія потребностей народа, стало ближе примыкать къ народу же, больше и больше останавливаться на мысли, что масса населенія не только выскажетъ свои потребности, но и покажетъ средства, какими всего лучше доставитъ имъ удовлетвореніе. Еще шагъ, и новое направленіе мысли коснулось третьяго момента сознательныхъ измѣненій въ общественной жизни—механизма, которымъ производится послѣдній.

Въ крѣпостную эпоху всѣ общественныя мѣропріятія зарождались, разрабатывались и приводились въ исполненіе исключительно силами культурнаго общества; въ освобожденной Россіи масса крестьянства призвана къ участію въ общественной жизни на ряду съ такъ-называемыми образованными классами. Отнынѣ, слѣдовательно, власть нашла нужнымъ раздѣлить завѣдываніе известною частью общественныхъ дѣлъ между высшими и низшими сословіями, что открываетъ возможность большаго вліянія крестьянскихъ интересовъ и его міровоззрѣнія на общее направленіе жизни, чѣмъ это было раньше. Это произошло не случайно, а было естественнымъ результатомъ какъ требованій жизни, такъ и развивающагося въ обществѣ сознанія, что правильное теченіе общественной жизни требуетъ систематическаго участія въ ней не одного класса, а всѣхъ слоевъ населенія. Принимая это положеніе за основное, неизбѣжно придти къ за-

включенію, что задачей текущаго момента должно быть поставленіе народу такого развитія, которое дѣлало бы его участіе въ общественной жизни болѣе широкимъ и удовлетворнымъ.

Итакъ, — интересы народа, какъ цѣль; формы, вырабатываемыя его коллективною мыслью или другія, соответствующія его желаніямъ; какъ средство, и самостоятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи — таковы три положенія, характеризующія народничество, какимъ оно опредѣлилось въ пореформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ *ria desideria* требуетъ умственнаго подъема массы, который потому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента.

Изъ сказаннаго видно, что народничество — движеніе въ средѣ интеллигенціи, что оно имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока привилегированное общество является главнѣйшимъ факторомъ общественной эволюціи, а его интеллигенція — авангардомъ прогрессивнаго движенія и теряетъ свой *raison d'être* послѣ того, какъ культурные классы раздѣляютъ свою миссію съ остальною частью населенія. Тогда общественная группа, составляющая нынѣ народничество, разобьется, вѣроятно, на нѣсколько образныхъ задачамъ и интересамъ, которыя будутъ выдвинуты на сцену новымъ широкимъ потокомъ, призваннымъ къ сознательному участію въ прогрессивномъ развитіи страны. До наступленія же этого момента народничество будетъ составлять самостоятельное направленіе нашей общественной мысли, имѣющее свои теоретическія и практическія задачи, частью совпадающія, частью существующія рядомъ съ задачами другихъ общественныхъ теченій.

Настоящая работа не имѣетъ цѣлью полное обоснованіе разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли, которое представляется тѣмъ затруднительнѣе, что во многомъ это направленіе сближается съ другими теченіями среди нашей интеллигенціи. Выросши постепенно путемъ естественной эволюціи русской общественной мысли, являясь продуктомъ совокупной работы теоретической и практической мысли многихъ поколѣній, интересующее насъ теченіе представляется однимъ изъ этаповъ на пути нашего общественнаго развитія. По высказаннымъ при-

чинамъ въ дѣлѣ теоретическаго обоснованія этого направленія наибольшую важность имѣютъ тѣ его особенности, которыми оно отличается отъ другихъ теченій и которыя заставляютъ признать его, какъ новый шагъ въ нашемъ развитіи. Не слѣдуетъ ожидать, чтобы эти его особенности были непремѣнно чѣмъ-то въ родѣ новаго отервенія: поколѣніе, давшее извѣстную формулировку практическимъ общественнымъ идеямъ своего времени, могло и не внести въ постановку вопроса новыхъ принциповъ, а лишь перемѣстило центръ его тяжести, заявляя этимъ, что главная работа настоящаго времени должна идти въ томъ направленіи, которое въ предшествующія эпохи замѣнялось другими задачами, больше соотвѣтствовавшими условіямъ переживавшихся моментовъ.

Главною цѣлью настоящей работы поэтому будетъ не систематическое изложеніе матеріальнаго содержанія всей совокупности соціально-политическихъ воззрѣній извѣстнаго направленія нашей общественной мысли (какъ мы его понимаемъ), и не обоснованіе всего этого содержанія (которое было дѣлаемо очень многими русскими писателями за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ), а выясненіе и обоснованіе той черточки, того штриха, какой новѣйшая исторія нашего общественнаго развитія прибавила къ картинѣ общественнаго міросозерцанія, постепенно слагавшагося мыслящими русскими людьми въ теченіе того столѣтія болѣе или менѣе сознательной интеллектуальной работы, какою можно измѣрять возрастъ русской интеллигенціи, какъ самостоятельнаго агента въ нашемъ общественномъ развитіи.
